

12 — в энциклопедическом словаре, 20 — в словаре иностранных слов, 16 — в кратком словаре иностранных слов, 2 — в словаре сокращений. Немало слов, зарегистрированных не в одном каком-либо из этих словарей, а в 3—4 и более: *акалаке, алгоритм, аллергия, апартеид, аэромагнитный, батискаф* и др.

Редакторы словаря предвидят, что многие слова, включенные в их словарь, могут «вызвать сомнения или даже осуждение в отношении литературной нормы», но они пошли на такое включение из стремления «с возможной полнотой представить новые лексические явления» (стр. 9) языка. Все же с точки зрения отбора лексики возникают сомнения, которые относятся главным образом к словам просторечного характера. Конечно, и просторечие неоднородно, но думается, что слова и выражения *хозма, хозмач, хозмачка, выкладываться, выкаблучиваться, ящик* (учреждение, адрес которого обозначается через номер почтового ящика), *держать хвост пистолетом (морозкой)* или *женатык* и многие другие не заслуживают высокой чести быть включенными в словарь и получить в нем вполне серьезное истолкование. Здесь редакторам словаря следовало бы, кажется, быть более строгими и требовательными.

Что касается толкования значений слов, то эта сторона разбираемого словаря выдержана в хороших традициях наших толковых словарей. В качестве особенности именно этого словаря можно отметить краткость и четкость толкований. Обращают на себя внимание лишь двести детали, требующие замечаний.

Существительные со значением лица женского пола толкуются то самостоятельно, без связи с соотносительными существительными мужского рода, то через эти последние, причем нередко без достаточной мотивированности того или другого способа истолкования, ср.: *прибористка* — специалистка по приборам и *операторша* — женщина-оператор; *стропальщица* — работница, обслуживающая строп, и *телеметристка* — женщина-телеметрист и т. п.

Довольно широко распространено толкование по формуле: «О...». Особенно часто эта формула применяется в отношении слов (существительных) с функционально ограниченным (предикативным) значением: *левак, резинчик, салаженок, суточник, свергишник, суперагент* и под., но не только применительно к ним; ср., например: *автомат* — «о кабине, в которой находится телефон-автомат» (а почему не «кабина, в которой...?»), *указник, бронза, серебро, золото* и др.

Некоторые толкования явно недостаточны, см. *прессинг* — «одна из наиболее активных форм защиты в спортивных играх» (?), *аллергия* (кстати, в «Словаре иностранных слов» этому слову дано более ясное толкование). Слова *комета, метеор, ракета* получили совершенно идентичное разъяснение: «Небольшое пассажирское судно на подводных крыльях». Эти слова следует, видимо, толковать примерно так же, как слова *запорожец, чайка* и под. Есть круги в толкованиях: «*Квазизвезда* — то же, что квазар; «*Квазар* — квазизвездный источник радиолучения...»; «*Квазизвездный* — относящийся к квазизвезде».

Мелкие замечания. В словаре довольно много слов с буквой *э* после согласных: *кампине, кэтч, кэтчист, плейбой, гепе-минз* и др. Такие написания не соответствуют установлениям «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., в которых сказано (§ 9, п. 3): «После согласных пишутся *Е*, кроме слов *пер, мар, сэр*, а также некоторых собственных имен...».

Каждая словарная статья заканчивается справочным отделом. В целом он оправдан, но иногда излишне велик по объему: при слове *джинсы* — девять строчек мелкого шрифта при восьми строчках основного текста. Жаль, что словарь издан на плохой бумаге. Словари издаются надолго, а переиздаются редко, поэтому их надо делать надежными во всех отношениях.

А. И. Моисеев

«Грамотки XVII — начала XVIII в.» Под ред. С. И. Коткова. — М., изд-во «Наука», 1969. 415 стр.

Уникальный материал бытовой речи XVII — начала XVIII в. опубликован в книге, подготовленной к печати Н. И. Тарабасовой и Н. П. Панкратовой. В ней звучат далекие голоса наших предков, отраженные в незабываемых письмах.

Ранее широко публиковалась официальная и частная переписка представителей господствующих классов: царей, кня-

зей, бояр, помещиков, духовенства. Эти документы неоднократно привлекали внимание исследователей, освещались в диссертациях, монографиях и статьях. Публикация же писем крестьян, ремесленников и других лиц податного сословия в таком обилии осуществляется впервые. Рецензируемая книга продолжает серию публикаций сектора библиографии, ис-

точниковедения и изданий памятников Института русского языка АН СССР¹.

О значении изучения народно-разговорного языка, его лексики, фразеологии, грамматики писал в свое время Б. А. Ларин, который отметил, что «разговорная речь Московской Руси в ее сложном многообразии и развитии с XV по конец XVII в. должна изучаться как предпосылка и глубокая основа национального языка — более существенная и определяющая, чем традиции книжнославянского языка, тоже сохранившиеся в нем поныне, однако в убывающей, а не возрастающей прогрессия»².

Рецензируемый труд дает неоценимые материалы для изучения становления и развития национального языка, взаимовлияния народно-разговорного и книжнославянского языка. «Грамотки — это своеобразная форма письменной речи с особым интонационно-ритмическим строем. Выражая непосредственность общения с адресатом, они одновременно ярко и полно отражают настроение писавшего, его отношение к высказываемому» (Введение, стр. 5).

Представленные письма весьма разнообразны по тематике, они отражают социальные коллизии русского общества эпохи крепостного права: усиление феодального гнета, обвинение крестьянства, военные поборы, которые всей тяжестью ложились на податное население. Грамотки отражают просьбы крестьян об уменьшении непосильных налогов, обращение к помещикам и приказчикам о разрешении пользоваться лесными или речными угодьями, в них содержатся сведения о побеге и поимках крестьян, о наказаниях за побег, обращение приказчиков к хозяевам по вопросам сельскохозяйственных работ, судостроения, рыболовства, разного вида ремесел. Их можно разделить на четыре типа: 1) обращения крестьян к помещикам, 2) переписка приказчиков с их хозяевами, 3) корреспонденция представителей духовного сословия и 4) письма родственников, друзей и знакомых. Особенно просты по стилю и своеобразны по форме и по эмоционально-экспрессивной окраске письма родственников друг к другу. В них нередко имеются сведения о здоровье, извещения о рождении и смерти членов семьи, разного рода хозяйственные распоряжения.

В письмах мы находим своеобразное словорасположение, обилие повторов,

инверсированных оборотов, обилие соединительных и присоединительных конструкций. Письма насыщены бытовой лексикой. Так, например, в грамотке № 126 крестьяне обращаются к своим владельцам Акимусу Ивановичу и Прасковье Ивановне с просьбой разрешить им пользоваться лесными угодьями: «нас сироты ваших лѣсъ не пущают ни по што не доколе што намъ в лѣсу и дѣба срубить не велятъ а что приказал ты гдѣрь нам поверстаться с кусаковскими крестьянами землею и дугами и мы с ними поверстались и в кусаковской лѣсъ ездилъ год а нѣтъ нас в кусаковской лѣсъ не пущаютъ и Михайло Михайловичъ Пантовъ намъ сиротам твоимъ сказал что в лѣсъ де крестьяне не издѣте велю де лошадей отнимать и лошадей де ваших к Москвѣ отоплю в Воинской приказ и мы етова боимся в лѣсъ не ездимъ а приколосные крестьяне Василья Ивановича Приколоского нас сирот ваших переграбили кѣтады и топоры отняли и мы у них выкупили денгами умлѣтисья гдѣрь не дай намъ сиротам своимъ разбрѣтись вразнѣ а мы сироты ваши погубилъ для того что нас в лѣсъ не пущаютъ никуда и мы топерѣ от того развѣрились и пожни которые в лѣсу и так велятъ пожни де носите а лѣсу ни дѣба срубить не велятъ и нам сиротам вашимъ жить стало тѣло... и мы сироты ваши и нѣтъ безъ дѣря и избѣ намъ топить нечемъ гдѣря смлѣтисья».

Особенно непритязательны и просты письма родных. Так, например, жена, обращаясь к своему мужу В. Т. Вындомскому, пишет: «Вавила Тихановичъ купи мне крапшенину на телогрею... да купи мнѣ Вавила Тихановичъ башмаки насылные а мнѣ стало носить нечево хожу бѣса» (№ 153). В письме Аграфены Михайловны к сестре содержится просьба купить разного цвета ткани. «...Пожалуй государыни вели купи мне камкъ... осиновои цвет... и вели купить на ту камку крѣживо золотом... другую камку... жаркой цвет...» (на обороте имеется запись: «...Куплена камка огненная в аршин» (№ 106). Или в письме к В. Т. Вындомскому Л. Аничков пишет: «Пожалуй возми... две китайки одну темнѣлазоревою, а другую светлѣлазоревою» (№ 159). В письме М. Шипкина содержится просьба: «Пожалуй государь мой братецъ купи... сестрице Пелагѣ Юрьевне чюлочки немѣтчикъ ж бѣлые» (№ 144).

О богатстве народно-разговорной речи и ее стилистическом разнообразии свидетельствует обилие вариативных выражений в письмах разного рода. Так, например, приказчик обращается к хозяину в одно и то же время и по одному и тому же поводу, сообщая о том, что торговые сделки очень затруднены и рыбу продать почти невозможно. «А на рыбу, государь и на икру в Нижнемъ купцовъ нѣтъ» (№ 353). В другом письме тот же П. Акулов сообщает: «Сол. нимало... с рукъ не идетъ» (№ 342).

¹ См.: рецензии В. Д. Кузьминой (ИАН ОЛН, 1964, 5) и З. Д. Поповой (ФН, 1967, 4); см. также: Г. А. Хабургаев, Московская деловая и бытовая письменность XVII в., ВЛ, 1969, 3.

² Б. А. Ларин, Разговорный язык Московской Руси, сб. «Начальный этап формирования русского национального языка», Л., 1961, стр. 26.

в следующем письме к тому же К. П. Калмыкову его приказчик сообщает: «... *І на сазані і на ікру купцов нѣтъ*» (№ 354).

В ряде случаев вариативные выражения отражают стилистическую дифференциацию русского языка. Так, например, в извещении о смерти, которое пишет дьякон Иосиф архимандриту Аврааму, мы читаем: «Да въ домо тебѣ государю чиню дада твоей Григорей Стефоновичъ *преставис* в жизнь вѣчную (№ 510)». В письме П. Акулова К. П. Калмыкову содержится такое известие: «Прикашии млсти твоей... волею божиею от лошадиного поскоку *умре*...» (№ 374). В грамоте (№ 12) В. Брехов пишет В. Ф. Бородину: «Восвода *умеръ*». И. Матвеев обращается к архимандриту Антонию с просьбой оказать помощь на похороны сестры: «Вчерашнего числа *волею бжию сестры моей не стало*, а похоранит гедрь нечим умилоствивси гедрь отец архимандрит Антоний... прикажи гедарь выдат на домовища да на савон холста» (№ 453). В грамотке № 50 мы читаем: «А сам ты подлинно знаешь нащъ и отцъ жили и померли в деревне». Или в письме Н. Акулова к жене: «Ведомо тѣбѣ буди Парасковюшка матка наша переселилася во оные кровы» (№ 398).

Таким образом, в письмах встречаются вариативные выражения: *переселилася в оные кровы, преставилася, не стало, умер, умре, померли*, причем выражения типа: *преставилася в жизнь вечную* находятся в письмах священнослужителей или лиц, хорошо владеющих грамотой, каким был, например, приказчик П. Акулов, который о своей матери писал, что она «переселилася в оные кровы». А крестьянин говорит, что у него отец «померли».

Такую же вариативность выражений мы встречаем в сообщениях о различных поездках тех или иных лиц. Например: «Иван... Русской в Нижней *приехал*» (№ 343). Или: «А как тебя гедуря бгъ *принесет* в Борисоглебской монастырь и я сам *приволокуся*» (№ 518). Или: «...Вѣдомо тебе гедрю буди до Вохомской пристани в добром здраве *боз донес*» (№ 397). Или: «Люди а лошади *притащили* чуть живы» (№ 80). В этих выражениях синонимы стилистически окрашены. Чернец Антоний о себе пишет, что он «приволочется», а архимандрит Авраам, которому адресовано письмо, «бог принесет».

Благодаря наличию писем лиц, состоящих в родственных отношениях, в грамотках широко представлена лексика, обозначающая терминологию родства и свойства. Ср.: *мать, матка, матушка, дядя, дядюшка, дед, дедушка, сестра, сестришка, сестрица, сыншка, детушки, братец, жена, женишка, невестушка, зятъ, зятюшка, шуря, племянница* и др. Словообразовательные средства отражают разговорный язык той эпохи. Церковнославянская форма *дщерь* представлена только пятью примерами, а русская фор-

ма *дочь* встречается в девятнадцати случаях, из которых один раз в форме *дочеришка* (№ 132).

В грамотках содержатся интересные материалы и по ономастике. Наряду с полными именами широко представлены полуимена. Как отметил в свое время А. М. Селищев, «характерной чертой в образовании личных имен феодального строя является разнообразие словообразовательных средств — суффиксов, сообщающих именам ласкательное, уменьшительное и уничижительное значение»³. В грамотках встречаются разнообразные формы имен: *Марья, Марыца, Ульяна, Улка, Улея, Ульянушка, Улька, Анна, Анница, Аннушка, Анютушка, Авдотья, Авдотыца, Авдотица, Васья, Васюта, Васютка, Лаврентий, Лаврентика, Лаврушка, Миколай, Микола, Миколайка* и др., а также имен нарицательных, ср.: *виноград и виноградец, ветчина и ветчинка, белуга и белужка, животина и животинушка, дрова и дровишки, горшок и горшочек, двор и дворишко* др. Эти словообразовательные элементы чаще всего встречаются в лексике бытовой.

В грамотках видно и влияние фольклора. Например, М. П. Салтыков пишет жене своей Авдотье (грамота № 99): «А ты *свет моя* Игнатьевна пиши ко мнѣ о своем здраве и о дѣтешках и здорово ли в дому моем... де велел я тѣбѣ Дунюшка прислать человека к себѣ Митку... И ко мне *свет моя* отпиши много ли у нас корму» (№ 99). В письмах встречаются и рифмованные присловия; в обращении племянника к дяде с утешением по поводу смерти жены последнего содержатся такие строки: «Гедарь душу еѣ *напоминай*, а внов гедрь сжителнцу себѣ *наживай*, чтобы дом в пристроении подрежнему был» (№ 5). В грамотках обильно представлены и фразеологические обороты.

В лексике грамоток, наряду с герминологией юридической, военной, ремесленной, терминологией, характеризующей товарно-денежные отношения, названия денежных единиц, цены на ремесленные изделия, на сельскохозяйственные продукты, очень широко представлена лексика бытовая: названия строений, предметов домашнего обихода, посуды, одежды и т. д. Ср.: *хоромы, изба, кабочка, кадушечка, кадка, бурачок, крашенина, порты, холст* и др. Этот пласт лексики сходен с лексикой, представленной в Домострое.

Разговорная лексика широко отражена в таких словах как: *тапер, докажет, заобычно, гораздо, впрямъ*, по вводных словах и выражениях: *авось, право, авось*

³ А. М. С е л и щ е в, Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ, в кн.: «Избранные работы А. М. Селищева», М., 1968, стр. 116.

либо, стало быть, знатно, в частицах *де, буде, та, тка, ей, ей-ей* и др.

Церковно-книжная лексика встречается главным образом в письмах церковнослужителей, а лексика церковного обихода — и в письмах крестьян и ремесленников: *дщерь, трапеза, долгоденствие, единородный, кафиама, вельми, воистину, аторицей, егда, елико*. Полногласные и неполногласные формы употребляются параллельно, но полногласные преобладают — так, полногласная форма *адо-рове* употребляется 136 раз, а *адрание* только 65 раз; наречие *вкупе* — 7 раз, *купно* — 3 раза, а русская форма *вместе* — 22 раза.

На фоне разговорно-бытовой речи четко выделяются иноязычные слова, хотя их сравнительно немного, например, *бурмистр* (№ 63, 385, 386, 393, 394, 400, 429), *концерт* (№ 511), *карабин* (№ 235, 239), *рейтар* (№ 224, 330), *рейтарский* (№ 330), полонизмы *шлях* (№ 238, 239, 248, 249), *шляхетский* (№ 225), *коштовано* (№ 227), *пан* (№ 224, 225, 226), *субтельный* (№ 311).

Зачины и особенно концовки грамот обычно стереотипны. Это отметил Л. П. Якубинский: «Известно, что зачины и концовки грамот являются наиболее традиционными их частями и могут сохранять вследствие этого архаичные черты языка»⁴. Но возможны и некоторые вариации, ср.: «а я тебе челом бью» (№ 11); «потом бога моля челом бью» (№ 30); «по том тебѣ челом бью» (№ 10, 15); «много челом бью» (№№ 4, 7, 61, 71, 76 и др.); «рабский челом бью» (№№ 1, 5, 64); «челом бью до лица земного» (№ 79); «и пад на землю да лица земного челом бью» (№ 512). Наряду с архаическими концовками на рубеже XVII—XVIII вв. в письмах встречаются уже и новые концовки: «При сем вашему благородию... кланяюся» (№ 36); или: «За сим раб твой Кошицев отдаю поклон» (№ 31). В послед-

ней концовке — своеобразное сплетение старых и новых форм обращения.

Составители книги и редактор проделали большую и очень кропотливую работу и ввели в научный обиход более пяти сот писем. Книга снабжена тремя указателями: 1) слов (стр. 328—378); 2) личных имен (стр. 379—400); 3) географических названий (стр. 401—405). Это значительно облегчает пользование книгой.

Следует отметить и некоторые недочеты издания. В словоуказателях встречаются пропуски. В них нет ссылок на страницы и строки издания, составители ограничились лишь указанием на нумерацию писем, что значительно затрудняет пользование книгой, так как нередко письма имеют значительный объем в несколько страниц. В книге почти отсутствует комментарий, в конце каждой грамоты имеются лишь отдельные указания на некоторые различия. Отсутствие развернутого комментария является серьезным недостатком книги. Следовало бы дать большее количество снимков и улучшить качество их воспроизведения.

Но эти отдельные недочеты и пробелы не снимают ценности издания. Публикация такого огромного количества писем вводит в научный обиход богатейший материал, по которому можно изучать процесс формирования русского национального языка, особенности его фонетического строя и грамматической системы, его лексики и фразеологии, его стилистических пластов. В грамотах содержатся интересные факты диалектного характера, материалы по топонимике, ономастике и исторической географии, хронологии, нумизматике, палеографии.

Несомненно, что книга «Грамотки XVII — начала XVIII века», вышедшая под редакцией С. И. Коткова, будет способствовать дальнейшему углубленному изучению истории русского языка она; является существенным вкладом в теорию и практику лингвистического источниковедения.

Е. А. Васильевская

⁴ Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 288.

А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. — Л., изд-во «Наука», 1970, 263 стр.

Новая книга А. М. Бабкина, крупного советского лексикографа, «Русская фразеология, ее развитие и источники» появилась в период активных поисков новых решений, когда открываются новые аспекты фразеологических исследований, вырабатываются новые методы. Известное распространение получает контекстологический метод; активно развивается стилистическое исследование фразеологии. Принципиально новый подход к

фразеологии обнаруживается в структурно-типологических исследованиях; решения теоретических вопросов предлагаются с позиций формализованных, математических методов; создаются основы моделированного изучения фразеологии. Новые методы и подходы к вопросам фразеологии порождают различные интерпретации фразеологических явлений, в качестве основных выделяются такие их свойства, в зависимости от которых сме-